

«Смоленск и Смоленщина в исторической прозе Бориса Васильева»

«Борису Васильеву...»

*Вдали от асфальтовой и от бетонной,
От насмерть заезженных прочих дорог
Лесною, неровной, под высью бездонной
Необычей тропой шагает пророк.*

*В стране, где извечен диктат
документа,
Где вздох один – от эйфории до бед,
Пророческой миссии интеллигента
Беспаспортней, горше, опаснее нет.*

*Он, может, и рад бы, как все,
- по теченью,
За сутками сутки, за месяцем год,
Без муки – словам возвращать
их значенье,
Без боли – все сущее знать наперед.*

*Без страсти – тянуть паутину событий,
Чтоб прошлое нынешней плотью облечь,
Без этих – морозящих душу
- открытий:
Кого и когда ими предостеречь?*

*Он платит за все – и в безмолвии
строгом
Берет эту плату больная страна.
А сердце все глубже изранено Богом –
Чем ярче прозренья, тем выше цена.*

*О как дорожу я нечастою встречей,
Когда, рядом с ним направляясь к жилью, -
Великая дерзость! – к нему на предплечье
Неслышно ладонь опускаю свою,*

*Когда свою боль в его речи я слышу,
Когда, расставаясь, молюсь за него...
И кажется, небо становится выше,
И слух обостренней,
и чище родство.*

Татьяна Кузовлева

Борис Львович Васильев - писатель, кинодраматург, публицист, общественный деятель, классик отечественной литературы XX века. Родился 21 мая 1924 года в Смоленске. Из семьи кадровых офицеров. Мать – представительница псковско-смоленских дворян Алексеевых. Детство писатель провел на Покровке, затем на улице Декабристов (ныне Тухачевского); перед началом Великой Отечественной войны семья переехала в Воронеж. После войны переехал в Москву. Сегодня от некогда огромной семьи осталось два человека: писатель Борис Львович Васильев и его сестра Галина Львовна (1914 г.р.). Родственники по материнской линии, дети и внуки ее двоюродной сестры Варвары сегодня живут в Смоленске...

Б.Л. Васильев удостоен многих наград и премий СССР и России. В том числе: Государственной премией СССР за сценарий к кинофильму «А зори здесь тихие», премией им. Ленинского комсомола за повесть «А зори здесь тихие», независимой премией движения «Апрель» им. академика А.Д. Сахарова «за гражданское мужество», независимой русско-итальянской читательской премией «Пенне-Москва», государственной премией в области литературы за 1999 год, премией Союза кинематографистов им. братьев Васильевых за сценарий к кинофильму «Офицеры», орденами «Дружбы народов» и «За заслуги перед Отечеством» первой и второй степени; в апреле 2003 года – высшей премией Академии кинематографистов России «Ника» в номинации «За честь и достоинство». В октябре 2002 года Указом Президента РФ В.В. Путина писатель был введен в состав комиссии по правам человека. Но, по словам самого Бориса Львовича, самой дорогой для него наградой было присуждение ему звания «Почетный гражданин города-героя Смоленска».

Борис Львович Васильев всегда писал и пишет для того, «чтобы помнили». По этому принципу и живет, никогда не работает «для момента» или в угоду власти. Писатель честен и предельно открыт, говоря лишь о том, что действительно его волнует.

Он верен своей писательской манере, своему стилю и мировоззрению. И об этом лучше всего говорят заголовки его публицистических статей: «Помочь человеку жить», «Ценю добросовестных людей», «Важен герой нравственный», «Цените мгновения», «И подвиг в душе возрастить», «Любить Россию в непогоду», «Я – неисправимый оптимист», «Мне не в чем себя упрекнуть». Писатель, как и его герои, добр, честен и интеллигентен.

«Смоленские страницы» прозы Бориса Васильева разнообразны как по своей тематике, жанровому составу, так и по насущным проблемам.

Так, история Древней Руси и древних смолян представлена романом «Вещий Олег». Смоленск IX- X веков здесь центральная сюжетная перипетия.

Проблемам духовного существования многонационального Смоленска рубежа XIX - XX веков посвящен роман «И был вечер, и было утро». Автор поднимает вопрос о причинах первой

русской революции 1905 года, которая началась в древнем городе с очередного «еврейского погрома» в Садках. И хотя город назван Прославлем, смоленский читатель легко узнает в нем облик старого Смоленска: спуск с Большой Дворянской, крепостное кладбище в центре, залы Благородного Дворянского собрания, Заднепровская церковь Варвары-великомученицы с находившимся рядом костелом, синагогой и мечетью; немецкая кирха на улице Кирочной, базарная площадь Пристенья, еврейская слобода в Садках с тремя нижними и одной верхней улицами, чугунный памятник героям Отечественной войны 1812 года на Офицерском плацу, тихая Садовая улица, пролом на Большой Благовещенской, Чертова пустошь за крепостью, Градская больница, церковь Иоакима и Анны; улочки Кирочная, Кадетская, Мещанская, Офицерская, Ильинская, Пушкинская, Поганый ручей на Рачевке. Эти дорогие сердцу любого смолянина места будут присутствовать и в знаменитой «Саге об Олексиных».

«Смоленскими страницами» романной прозы почетный гражданин «города-плота», города-героя Смоленска Б. Л. Васильев обозначил и проследил основные этапы духовно-нравственных исканий русской интеллигенции на протяжении более чем 100 лет, вплоть до конца XX столетия. Он внес вклад в обоснованность такого понятия, как «загадочность русской души»; обогатил и, без сомнения, обновил жанр эпопеи, дополнив его новыми формами, сюжетными коллизиями, обосновав тем самым живучесть семейной саги. И то, что писатель избрал для этого одну из ветвей собственного фамильного генеалогического древа и смог оставить для потомков историю России в истории дворян Олексиных (Алексеевых), думается, потомками не забудется и оценится.

В своей саге об Олексиных (6 томов) Борис Львович не делает выводов и не навязывает собственной точки зрения. Он лишь помогает читателю *услышать голос прошлого*, дабы понять, что «история – это не просто биография твоего народа», но и составляющая единица мироздания, что история и память неделимы.

Писатель – «неисправимый оптимист», он верит в жизнь, верит в добро и справедливость, верит в человека. И частые трагические исходы его произведений говорят вовсе не о том, что это так должно и быть, что Зло непобедимо...

Роман «Вещий Олег» (1998). IX век. Суровое, запутанное и кровавое время. Еще нет никакой государственности, нет единого князя, нет и сильных княжеств. Есть время смут, интриг, заговоров, переворотов и междоусобных распрей. IX век - век конунгов, а не князей. Конунг же - воин, а не правитель. "Мы с древнейших времен просим уберечь нас, наших близких и саму Землю нашу от мора, глада и пожара. А война в это заклинание не попала. Только ли потому, что огонь, болезни и голод представлялись стихиями, а война — деянием человеческим, рукотворными? А может быть, потому, что предкам нашим приходилось хвататься за мечи куда как чаще, чем за

чапыги, а топор не только строил, но и разрушал? Впрочем, так жили тогда все оседлые народы, нет в этом никакой особой избранности, и на древнем языке моих пращуров война именовалась ТРУДОМ... Но мечи — орудие обоюдоострое, а выход за пределы необходимой обороны чреват расплатой" ¹, - так в очерке "Последний варяг" начинает Б. Васильев свой разговор об истории Древней Руси, истории становления российской государственности.

Заглядывая в далекую историю наших предков, Б. Л. Васильев размышляет о национальном достоинстве, которое определяется не количеством веков, а чем-то большим: "Человечество единовозрастно. Нет более древних и менее древних народов, но нации — живые социальные организмы, им свойственна молодость и старость, рождение и гибель, и великорусской нации приблизительно полтысячи лет, а то и все шестьсот, если брать за основу осознание ею своей общности на поле Куликовом» ².

...Смоленский князь Воислав переживает тяжелые дни: "Предложение примкнуть к объединенным конунгом русов силам мало устраивало кривичей. Держа в своих руках ключевой волок на Днепре, имея выходы к Западной Двине, Смоленское княжество получало устойчивые доходы, не прибегая к мечу. Мало того, кривичи смогли потеснить мерю на восток, заполучив в притоках Оки маленький, но важный городишко Москву, открывавший третий торговый путь к Волге, а по ней — в богатую Хазарию, через которую шли караваны со сказочного Востока... Но затеянный неугомонными русами поход на Киев грозил сорвать все надежды".

Воислав прекрасно понимает, что в отличие от Новгорода, «кривичам была уготована судьба ближайшего тыла. На их землях должны были сосредоточиться тысячи воинов, которых надо было не только кормить, но и сдерживать: вои [воины – курсив мой. В. К.] оставались воями, тем более что с Олегом шли не только варяги и новгородские добровольцы... И вся эта разноплеменная масса обрушилась бы на города и деревни кривичей». Конечно, ему обещали покрыть все расходы, но путь из варяг в греки «на два лета выпадал из оборота». «Смоленску угрожал разрыв всех торговых связей, а нашествие войска обещало крупные неприятности». Все это не давало покоя Воиславу до того момента, пока ему не сообщили, что тайный посланник Рогхарда хочет его видеть: «роги тоже искали тропы для сохранения торговли и мира».

У смоленского князя были две ярко выраженные слабости: алчность и страсть к женщинам. Роги хорошо знали об этом, потому и послали в подарок богато украшенный ларец со словами:

¹ Васильев Б. Л. Собрание сочинений в 8 томах. – Смоленск, 1994. – Т.5. - С. 505 - 506.

² Васильев Б.Л. Вещий Олег. – С.-Пб., 1998. - С. 516.

«Это ключ от Двинского пути. Если мы протянем нити к сердцам друг друга, он останется у тебя. Если нет – он запрет Двину для кривичей» (156 – 157).

Но что же делать Воиславу? Если он откажет Олегу, то Олег самовольно займет его земли, вышвырнув хозяина из Смоленска. Однако хитрый посол рогов как бы «читает» мысли князя: пройдет Олег через его земли – ничего страшного; главное - быть верным клятве Рогхарду. А цена клятве – «рабыня» Инегельда для Олега. И Воислав, жадный до подарков, решает «играть на две руки»...

Так перед нами разворачивается интрига за интригой, запутанная история Руси IX века, повествующая то о жизни Олега, то о его боярах, то живописно изображающая какой-нибудь древний языческий обряд, то красочно и нежно преподносящая любовную историю. Но чем ближе к финалу, тем еще больше событий, перипетий, хитросплетений, еще больше сменяется персонажей и еще больше проливается крови.

Как историк писатель объективно отобразил всю остроту социально-политических коллизий, а как писатель - убедительно воссоздал характеры, показал нетленный дух предков, сумевших в крайне трудных условиях сохранить и упрочить национальное самосознание, обычаи, культуру. Историческая осведомленность Васильева помогает красочному и плавному развитию сюжета. Реальные факты истории в их яркой эмоционально-художественной интерпретации составляют стержень исторического повествования.

Духовная память, как известно, зиждется не на полужнании и обрывочных сведениях, а на обширном генетическом коде собственной истории, на уважительном отношении к предкам, Родине, народу. Память – неистребимый, питающий корень жизни, благодаря ему, народ сохранил себя как нация в труднейших исторических ситуациях.

Главная идея романа – единение славянских племен. Эта идея была актуальной и в IX и в конце XX веков. В 13 главе мы попадаем на совет князей, где от имени Олега выступает его воевода Ставко:

« – Но объясни мне, не самому умному из славянских владык, Смоленскому князю, ради чего и во имя чего славяне должны поддерживать грабителей русов?..

- Я больше думаю о славянах, чем о русах, князь. Мы широко расселены по свету, но каждый живет в своей берлоге. Мы говорим на одном языке и молимся одним богам и все время воюем друг с другом...

- Но у нас общий корень, воевода.

- Да, корень общий, только плоды у каждого свои... А если мы объединимся в общий народ, сложим свои припасы, разделим свои труды, станем приучать сильных отроков к мечу и боевому коню, мы выпестуем могучую дружину и избавимся, наконец, от хазарской дани... Я

понял, чего нам не хватает для того, чтобы стать могучим государством: ЕДИНЕНИЯ... Русы – могучая река, а мы – огромное море: ты слышал когда-нибудь, чтобы река поглотила море? В конце концов, река растворится в нем, оставив нам в наследство могучую и сильную державу»³.

Роман Бориса Васильева расширяет наши скудные и в основном летописные познания об истории Древней Руси, о нравах и обычаях многочисленных и разрозненных славянских племен. Иногда писатель пытается даже поэтизировать во многом рутинные и кровавые будни наших пращуров. А изящно обрисованные мельчайшие детали быта расширяют наш кругозор.

«Вещий Олег» – случай насладиться лихо закрученной интригой и живописными картинами жизни и быта древних славян. Эти картины дают возможность осознать и увидеть не дикость (как это порой трактуется в западной «норманнской теории»), а цивилизованность и хорошую внутреннюю организованность славянских племен. Роман, безусловно, вносит свой вклад в художественное воплощение жизни славян, обогащает наши представления о жизни предков.

Роман «И был вечер, и было утро» (1984). «Величие России... во внутренних чертах ее народа. В его редкой талантливости, мудром терпении, повышенной приспособляемости и бытовом интернационализме. Запомним последнее: сегодня оно особенно важно»,⁴ — так написал Борис Львович в очерке об истории становления российской государственности. Воплощению этого постулата посвящен роман "И был вечер, и было утро". Мысль о "бытовом интернационализме" в нем особенно важна. А что до преданий, то они ведь тоже отражают исторические события, в них всегда сочетается реальное и вымышленное.

Сегодня, когда нас все чаще стали интересовать страницы российской истории царского времени, так называемые "лубочные" сюжеты, роман Б. Л. Васильева будет прочтен с особым интересом. И не только потому, что в основе лежит увлекательнейший приключенческий сюжет, талантливо изложенный. Писатель зовет своего читателя в мир истории, в мир жизни города Прославля как раз накануне первой русской революции 1905 года.

Сюжет романа построен на многочисленных легендах, слухах, домыслах, на рассказах очевидцев, воспоминаниях бабушки писателя. И не стоит сразу же бросаться в архивы или листать старые подшивки "Смоленских ведомостей", слухи уже давно вошли в неофициальный реестр народного фольклора.

Задача писателя в очередной раз показать то, не как это было на самом деле, а как это могло бы быть. Это художественное повествование о жизни предков, цель которого - раскрыть и

³ Там же. – С. 336-337.

⁴ Б. Л. Васильев. Собрание сочинений в 8-ми томах. Смоленск, 1994. Т. 5. С. 527.

осмыслить нечто иное, необычайно важное, то, что выше истории: "Личная история каждого человека, генетический код его памяти, тоже ведь вырождается, если не питать ее своевременно".

Васильев воскрешает прошлое, которое того "требует". Но зачем? Ведь для любого воскрешения понадобится историческая точность? Однако писатель оказывается прозорливей своих оппонентов. Он знает их упреки заранее, потому и пишет: "Воскрешение — это скорее легенда, скорее романтика, чем бытовой реализм".

Откуда мы, кто мы, почему мы такие? Где и когда произошло то, что происходит сегодня, и когда мы допустили ошибку, ставшую для нас роковой? Почему не хотим учиться на собственных ошибках, а учимся только на победах? Вот круг вопросов, интересующих писателя, вопросов, ответы на которые станут для читателя подчас неприятным откровением, да и не каждый на них сможет ответить.

Интересно авторско-историческое обоснование членения города именно на три части: «Суровая, аристократическая и неприступная Крепость с чисто подметенными улицами в каштанах и кленах; с аккуратными особнячками, равными не тщеславию владельца, а его возможностям; с рессорными экипажами на резиновом ходу; с всадниками на таких лошадях, какие только могут присниться Байрулле; с тихими, малолюдными и очень торжественными церквями и соборами, с чинными гимназистками и бахвалами гимназистами, с франтами офицерами и старательными чиновниками, с благолепием прошлого, благополучием настоящего и отсутствием будущего. Это Крепость. Цитадель традиций, аристократизма, чести, благородства, презрения, холода, надменности и чудачества. Она не стоит над Прославлем – она парит над ним.

Если Крепость – вершина, то Пристенье – подножие. Солидное, неспешное, сытое, хитрое, а потому и недоверчивое. Мощенные крупным булыжником улицы подметены, но как-то неопрятно смотрятся, может быть, потому, что голы: здесь деревья на улицах заменяются георгинами в палисадниках и геранью на окнах. Дома пусты, высоки, длинны, широки и вообще неестественны, ибо выявляют не вкус владельца, а его кредит; маленькие – и не очень маленькие – деревянные дома и домишки служат фоном купеческим замкам Пристенья, а также убежищем второсортности, вдовства, начинающих, служащих, доживающих и ворья, которого тут, что воробьев. Церквей здесь, что лавок, но лавки жизнеспособнее церквей, потому что они служат живым, тогда как церковь Пристенья существует с отпеваний да посмертного отпущения грехов, и рынок куда священнее для жителя Пристенья, чем храм господень. Здесь торгуют хлебом и девочками, скотом и своднями, колониальным товаром и порнографией из Одессы, выдаваемой за парижскую. Можно было бы сказать, что жизнь здесь кипит, если бы могло кипеть ведро с тараканами. Оно кишит, и жизнь в Пристенье тоже. Кишит жизнь: скрипят бесконечные обозы и

бесконечные засовы, грохочут сгружаемые товары и отпираемые лавки, визжат свиньи в мясных рядах, дешевые девочки вокзалов и ножи на точильных камнях. И непременно где-то кого-то бьют: то ли приказчики вора, то ли воры приказчика, то ли те и другие вместе цыгана, поляка или студента. Это – Пристенье. Чрево города, его жратва и его отбросы, его наслаждения и его отравы, его сегодняшняя сытость, его похоть и его равнодушие. Оно ненавидит прошлое, ибо прошлое его темно и преступно, сочно живет настоящим и недоверчиво поглядывает в будущее, уповая на бессмертный рубль куда больше, чем на бессмертную душу.

Если Крепость потребляет, Пристенье поставляет, то должен же кто-то делать то, что можно употреблять и поставлять? Должен. И есть. И пребудет во веки веков: это Успенка.

Здесь улицы заросли травой, куры шарахаются из-под ног, голубки воркуют на дырявых крышах, а собаки по совместительству охраняют все дома разом. Я сказал, что улицы заросли, но, строго говоря, здесь и нет-то никаких улиц. Здесь исстари строились, как хотели, и если окна Данилы Прохоровича смотрят на дом Байруллы Мухиддинова, то окна Байруллы смотрят вообще черт-те куда, но совсем не в окна Самохлебова; а для того, чтобы завезти дров во двор Юзефа Яновича, надо сперва въехать во двор Теппо Раасекколы, пересечь его под углом, снять кусок забора, разделяющего владения Теппо от владений Маруси Прибытковой, миновать ее двор, выбраться на какую-то никому не известную и никуда не ведущую улицу и только потом дотащить до пана Заморы через угол сада Кузьмы Солдатова. Но это никого не смущает, люди сообщаются друг с другом по кратчайшим расстояниям, не принимая во внимание ни заборов, ни оград, ни чужих дворов, ни общих собак, а гроб с покойником передают на руках по такой прямой линии, которой позавидовал бы сам великий градостроитель России. Здесь от зари до зари вздыхают кузнечные мехи, орут младенцы, ржут лошади, смеются женщины, стучат молотки, визжат пилы и бурлят котлы, в которых стирают, варят, кипятят и готовят клей, чернила или гуталин для всего города. И все рядом, все плечом к плечу, в тесноте, да не в обиде, и, если чихнули в одном краю, «Будь здоров!» кричат со всех сторон. Кричат весело и громко, даже если идет дождь, потому что Успенка, хорошо помня, что было вчера, и надеясь, что завтра будет не хуже, в поте трудов своих не замечает дня сегодняшнего. И, не зная ни снобизма Крепости, ни завистливости Пристенья, знает только то, что жить, просто жить не самое скучное занятие на свете.

Когда я думаю об этом городе, я почему-то представляю огромного, старого, невозмутимого верблюда, неторопливо бредущего сквозь пустыню Истории, волоча все свое

достояние в двух своих горбах. Один горб – Крепость, другой – Успенка, а Пристенье просто прогалина между ними. Ровное место»⁵.

С любовью выписаны многочисленные персонажи художественно-исторического полотна.

Мой Сей. Образ этого старого еврея, чернильных дел мастера, чрезвычайно важен. Это ярчайший образец Мастера, на котором держится не только весь город, но и вся его эстетика, веками накапливаемая и тщательно оберегаемая. Он был Совестью Прославля, не больше и не меньше, и это окончательно выяснилось на баррикадах. "Солдаты, остановитесь! С кем это вы связались, я у вас интересуюсь? В чьи это дома вы врываетесь без спросу, кого это вы толкаете и даже угрожаете оружием? Может, это турки или японцы? Нет, это даже не евреи, солдаты! Это мирные люди, совсем даже такие, как вы, вы меня слышите, обормоты? Или что на вас надели форму, вы перестали быть людьми? А где же тогда вы оставили совесть? У себя дома, у папы с мамой? Так лучше сбегайте за ней, пока не поздно!». Но, как всегда, "Мой Сея схватили... Совесть была заглушена на глазах, рот ей, так сказать, заткнули физически, и командиры всех рангов вздохнули с облегчением».

Мой Сей был пятым судьей, оценивавшим правильность "крещенского мордобойства". Первым был Данила Самохлебов, делавший такие "колеса, что заказчики приезжали из самого Валдая". Он мог бы преспокойно жить без бедности в Пристенье, но на все предложения спокойно и основательно отрезал: "Я труд свой наиболее уважаю. А труд уважать — значит, грехи не скрывать". Успенка делала, а Пристенье — перекупало. А это большая разница.

Третий успенский судья - поляк Юзеф Замора, человек с хронической честностью: "Он был настолько честен, что при всей своей католической, а значит, сверхнормативной религиозности признал существование Аллаха и Магомета, поскольку иначе не мог объяснить, почему на свете живет такой хороший человек, как Байрулла Мухиддинов, его друг и сосед по судейской скамье".

Героически умирали эти люди во время восстания:

"Данила Прохорович Самохлебов отстреливался из винтовки, а когда расстрелял все патроны, с нею наперевес бросился на солдат, и тогда начали стрелять в него. Он падал, поднимался, в него снова стреляли, и он снова падал и снова поднимался. Из него вытекло столько крови, что двадцать лет на том месте ничего не росло, а потом сам собою появился куст шиповника. Он и сейчас цел, этот куст (бабушка мне показывала): при перепланировке он попал в черту городского сквера. Шиповник разросся, возле него стоит скамейка, и там зимой и летом после работы соображают на троих работяги из авторемонтных мастерских – колесных дел мастера нашего времени.

⁵ Б.Л. Васильев И был вечер, и было утро. – М., 1989. – С. 27-29.

Мне кажется – да, признаться, и бабушка так думала, - что Данила Прохорович перед смертью услышал крик из собственного дома. Слабенький писк новой жизни: его супруга от грохота, огня и криков разрешилась преждевременно, но младенец выжил. Мальчик, о котором так мечтал мой прадед. Его душа пробудилась, когда душа Данилы Самохлебова отлетела в небытие, и в семье всегда верили, что сын станет отцовской копией».

Юзефа Яновича Замору «сшибли с ног и забили прикладами, а он все еще что-то кричал, пытаясь прикрыть голову загрубелыми, изрезанными дратвой руками. Ванда Казимировна со старшей дочерью прятались в погребе, но Ядзя была бесстрашной, потому что очень любила отца, и выбежала на его крик...». «Говорят, солдат, заколовший слепую Ядзю, ни разу более не уснул. Когда наступала темнота, он начинал ходить и все ходил и ходил, пока не помер. А бабушка мне говорила, будто не ходил он, а сразу ослеп, бросил винтовку и слепой пошел в свою деревню. Он брел, растопырив руки, и кричал: «Дзенькую пана бардзо! Дзенькую пана бардзо!..» А потом помер, конечно, но дело ведь не в этом. Дело в крике, который, однажды родившись, уже не замирает в вас никогда...».

Четвертый Мастер - татарин Байрулла. Он особо почитался аристократами Крепости, потому что век XIX — век лошадей. Лошадник Мухиддинов при одном лишь взгляде на годовалого стригунка "мог определить его способность, силу, судьбу, любимый аллюр и день смерти" и никогда не брал денег за то, что лечил лошадей: "Доброе дело никогда нельзя оскорблять расчетом". Он был единственным, кто отделался "легким испугом", получив полсотни плетей от губернатора за участие в восстании.

И наконец, пятый судья, финн Теппо Раасеккола, в народе Степа-ломовик. Небывалой силы человек "мог завязать свой лом на шее на манер галстука", а потому Степе запрещалось драться на Крещение. Если бы судьбе было угодно отправить Теппо на баррикады, он был бы там, без всякого сомнения. Но судьба ему приготовила другое испытание.

Как и Мой Сея, его арестовали еще до штурма, выстрелов и артиллерийских залпов. Но если старого еврея - за слова, то финна - за "хладнокровное убийство офицера". Однако такое ли уж оно "хладнокровное"? Ведь на его глазах офицер застрелил его любимую Марусю, хотя и «шальной пулей». Степа «поднял ее с земли, поглядел в глаза, прижал к себе и бережно положил на то же место. Медленно выпрямился в полный рост и был столь страшен, что опытный полицейский офицер начал в ужасе пятиться... Он просто взял этими руками офицера за голову и сжал. Раздался дикий, нечеловеческий... крик... Вокруг стояли с оружием наготове полицейские, но никто не решался его тронуть: — Сам, пустите". Нельзя не восхититься силой духа этого

Мастера! Показательна и казнь Тепло. Он вдруг понял, что виселица не выдержит его тела, попросил топор и молча соорудил себе новую виселицу.

«Бабушка утверждала, что после этого обстрела и последовавшего за ним «подавления» на Успенке не осталось Мастеров. Мастер с большой буквы, как я и написал, началась эпоха подмастерьев, которая затем развилась в эпоху шабашников, то есть людей, скверно делающих все что придется, чтоб только зашибить деньгу. Деньга для шабашника стала той целью и тем смыслом, каким для Мастера являлся конечный результат его труда. И плач по Мастерам был плачем по Успенке, а плач по Успенке – плачем по Мастерам»...

Борис Львович Васильев как-то сказал, что мы "приучены к истории сочиненной", к стереотипам "беззащитной лжи" и что нам надо ясно осознать..., что честь и благородство были достоянием всенародной нравственности, а не прерогативой дворянства". Писатель спорит и не соглашается с историками, с теми, кто писал историю революционных событий, и охотно верит людям, очевидцам, потому что историю пишут для государства и идеологии, а люди рассказывают друг другу о жизни. А это совсем не одно и то же.

Повесть «Летят мои кони» (1980,1988,1993). В 1980 году выходит в свет автобиографическая повесть Б. Л. Васильева “Летят мои кони”, а позже, в 1988 и 1993-ем, два постскриптума к ней. Повесть представляет собой как бы сценарий эпического повествования о жизни города детства писателя с яркими запоминающимися картинами быта Смоленска 20-30-х годов. Перед читателями встают картины “повести о времени и о себе”, о времени, истории и памяти старого города - колыбели русского государства, с его неповторимым интернациональным колоритом, богатством ярмарочных красок.

Мы вместе с автором едем с “ярмарки”. “Еще размашисто рысят кони, еще жив праздник в душе моей, еще кружится голова от вчерашнего хмеля и недопетая песня готова сорваться в белесое от седины небо... Еще хочется пробежаться босиком, поваляться на траве, нырнуть с обрыва в незнакомый омут”⁶. И с самых первых строк вместе с автором начинаешь переживать романтическую влюбленность в то, что БЫЛО, и осознаешь реалии того, что ЕСТЬ: “Я еще хочу бежать вслед за уходящим поездом, но уже не могу его догнать и рискую остаться один на гулком и пустом перроне. И хотя четко осознается, что между “хочу” и “могу”, “еще” и “уже” начала вырастать стена, в реальности видишь, каким огромным нравственно-духовным потенциалом мы обладали”.

Очень важный общечеловеческий смысл заложен в эпилоге повести, написанном в 1993 году. В нем автор не просто размышляет о судьбах русской интеллигенции и ее целях, но и делает

⁶ Васильев Б. Л. Собрание сочинений в 8-ми томах. Смоленск, 1993. – С.80.

недвусмысленный намек читателю: “В книге Судеб России еще великое множество чистых страниц”. А в резюме определяет судьбу русской интеллигенции двадцатого столетия: “У меня есть могила деда, и нет могилы отца. Прах деда растворился в родной земле, напитав собой корни деревьев и трав; прах отца улетел в черную трубу крематория”.

Писатель задается вопросом: кто мы такие и откуда мы? Позже, в канун 1997 года, писатель нам ответит на свой вопрос. “Мы все от Рыбачьего до озера Хасан и от Берингова пролива до речки Псоу (маленькая такая речка, я в ней рыбешку ловил, теперь не половишь: государственная граница), мы все - инопланетяне. Нас семь десятков лет везли в наглухо задраенном огромном звездолете через бездну времен, старательно вымывая из наших мозгов ПРОШЛОЕ. Представления о предках, памяти, традициях, обычаях, языке, культуре, морали и нравственности...”⁷.

Город Добра писателя Васильева исторически и географически расположен на Днепре, вечной границе между “Правом и Бесправием, потому что именно здесь пролегла пресловутая черта оседлости”, так что раскачиваемые историей людские волны разбивались о его стены, оседая в виде “польских кварталов, латышских улиц, татарских пригородов, немецких концов и еврейских слободок”. Яркие и емкие сравнительные эпитеты дают реальное представление об истории Смоленска и о жителях города, о том, что “здесь победители роднились с побежденными, а пленные находили убежище у вдов”, что здесь “вчерашние господа превращались в сегодняшних слуг, чтобы завтра дружно и упорно отбиваться от общего врага”, что здесь “искали убежища еретики всех религий, и сюда же стремились бедовые москвичи, тверяки, ярославцы, дабы избежать гнева сильных мира сего”. И каждый тащил в город свои пожитки, “если под пожитками понимать национальные обычаи, семейные традиции и фамильные привычки”. “Все это разноязыкое, разнобожье, разноукладное население” лепилось подле ожерелья Всея Руси города Добра, возведенного Федором Конем еще при царствовании Бориса, “и объединилось в единой формуле: житель города Смоленска”.

Интернациональное строится на основе национального... И необходимо понять и полюбить старый Смоленск Б. Л. Васильева именно за его интернациональность и мученическое самопожертвование во благо всех людей. “Я громко читаю, еще не ведая, что плыву на плоту и что люди делятся не на русских, поляков, евреев или литовцев, а на тех, на кого можно положиться и на кого положиться нельзя”. “Я ел из одного котла с моими друзьями татарчатами, и тетя Фатима наравне с ними одаривала меня сушеными грушами; венгр дядя Антал разрешал мне торчать за его спиной в кузнице, где легко ворочали молотками цыгане Коля и Саша; Матвеевна

⁷ Васильев Б. Л. Предисловие к Новому Году // Российские вести, 1997, 4 января.

поила меня козьим молоком, в Альдону я сразу влюбился и множество раз дрался из-за нее с Реном Педаясом. А еще были старая бабушка Хана и строгая мадам Урлауб, немец дядя Карл и слепой цыган Самойло, доктор Янсен и ломовой извозчик Тайво Лахонен и ...Господи, кого только не осеняли твои ветви, старый славянский дуб?”...

На примере доктора Янсена, “святого города Смоленска, тихого и аккуратного, очень скромного и немолодого латыша с самой человеческой и мирной профессией врача”, готового в любую погоду, без выходных и праздников “сражаться за людские жизни”, Васильев учит видеть добро в каждом человеке и смысл в каждом прожитом дне (“святость требует мученичества - это не теологический постулат, а логика жизни: человек, при жизни возведенный в ранг святого, уже не волен в своей смерти, если, конечно, этот ореол святости не создан искусственным путем”).

На примере довоенной жизни своей семьи Васильев показывает нам то, без чего можно обойтись в жизни, а без чего нельзя, “не имеем права” (“становясь на колени перед книгами (из-за частых переездов, иначе их не собрать), я еще бессознательно, еще не понимая, но уже чувствуя, становился на колени перед светлыми гениями всех времен и народов; кажется, я так и остался стоять на коленях перед литературой”), говорит о том, что его отец никогда не стремился к “холуйскому стремлению” “достать”, “добыть”, “купить”, “продать” (какой же надо обладать душой, чтобы выдержать чудовищное давление пресса, имя которому - “как все!”).

Написанный с любовью образ матери дает возможность ощутить ценность жизни, которую автор получил благодаря ее мукам и стойкости: “Она дала мне не только жизнь, но и ее обостренное восприятие, отесненное думами о смерти, которые все чаще посещают меня; она дала мне прекрасный пример любви, самоотречения и преданности”...

Эта биография не может быть никогда дописана, потому что это биография России и судеб русской интеллигенции XX века. А судьбы интеллигенции безграничны и трагичны. Мы никогда не сможем поставить точку в жизни поколений. Житие человека, пусть даже самого святого, можно когда-нибудь закончить, но как закончить бытописание целого поколения?

Размышляя о судьбах русской интеллигенции, Васильев подводит читателя к мысли о том, что миссия интеллигенции в России свята: “Выявить личность в каждом человеке, восславить ее, укрепить нравственно, вооружить мужеством индивидуальности...”. Убедителен вывод: интеллигентным нельзя стать - “это нравственная категория, а не мера образовательного ценза”. И только интеллигенция поможет русскому народу спастись от “исторического иждивенчества”, освободиться от власти “батюшек”, к опеке которых народ привык так же, как привык “перекладывать свои заботы на их ответственность”...

Борис Львович однажды сказал о том, что писателя вообще отличает одно странное свойство - “способность отчетливо помнить то, чего с ним никогда не случилось”. Подчиняясь

этому свойству, его книги позволяют собрать на стенах “Ожерелья Всея Руси” всех создателей и ваятелей Города Добра: и немногих героев повести “Летят мои кони”, и всех героев города Прославля из романа “И был вечер, и было утро”, и все многочисленное семейство старинных дворян Олексиных из романов “Были и небыли”, “Дом, который построил Дед”, “Утоли моя печали”, и всех Грешников и Страдальцев-романтиков из романа “Вам привет от бабы Леры”, которые хотя и живут в разных временных измерениях, но зато по единому закону Добра, Справедливости, Чести и Благодетельства. Все поколения жителей Города Добра одинаковы, потому что “личная история каждого человека, генетический код его памяти”; и если у памяти истекает срок давности, то “прошлое требует воскрешения. А воскрешение - это скорее легенда, чем реальность, скорее романтика, чем бытовой реализм”.

Повесть «Капля за каплей» (1993). В повести “Летят мои кони” есть одно интересное замечание: “Драматург мир видит драматургически, конфликтно и обнаженно, и людей не столько стремится типизировать (что естественно для прозаика), сколько приблизить их к амплу, подмечая в жизни “роль”, а уж потом “тип”. И хотя Васильев говорит о том, что подобного ему никогда не удавалось, все же трудно согласиться с этим утверждением по той причине, что анализируемая повесть “Капля за каплей”(1993) представляет собой синтез “высокого” трагизма драмы и “типичность” “серьезной” прозы.

“История не имеет сослагательного наклонения”, - сказал кто-то из великих. Не любит она и той полуправды, которую мы читали в учебниках литературы и истории минувших времен. История не любит недосказанности не только о настоящем, но и о недавнем прошлом. В повести “Капля на капле” показан город уже в другом измерении - Смоленск 1937 года. Это не тот город Добра, в котором от каждого камня веет историей и в котором живет доктор Янсен и старая учительница, воспитывавшая в своих учениках “граждан Отечества своего”, поучавшая, что “история не позволяет человеку остаться варваром”, что “история разлита во времени и пространстве” и что “воздух Смоленска питает историей каждого человека, питает спокойно и размеренно, “капля за каплей”. Теперь это Город Страха.

Лишь недавно стали всеобщим достоянием истинные события катынской трагедии. И читая повесть, понимаем, что привозили в лес под Катынь с “натужным ревом тяжелые машины”, и почему так страшен был для героев этой повести “тяжкий рев машин в одну сторону” и обратное их “скатывание с обычным шумом”. Знали правду о польских офицерах и о собственных “врагах народа”, но боялись думать об этом, тем более говорить. Боялись все. Даже смелый на вид интеллигентный учитель истории в “калининских железных очках”. Это он вывел всеобщую формулу вселенского Города Страха: “Когда страха много, он переходит в иное качество. Количество в качество. Он делается заразным, как сыпняк, заражает сперва семьи, потом -

общество, целые классы, весь народ... Такого повального страха не переживал ни один народ со времен Адамовых. Геноцид вызывает всеобщий ужас, но всеобщий ужас сплачивает ужаснувшихся, а всеобщий страх разъединяет испугавшихся. Ужас - результат, а страх средство. Да, но с какой все это целью?"⁸.

Риторический вопрос "с какой целью?" проходит через всю повесть "Капля за каплей". Никто не знает ответа на этот вопрос и никогда не узнает. Лишь "мертвые" эпитеты холода - "глаза, полные страха", "испуганный взгляд", "в глазах только страх", "грустные от страха и ожидания глаза", "страх, поселенный в человеке, ждет", и наконец, гиперболизированные сны наяву, аллегорические словоформы льда и "ледовитый океан бесчувствия", который "поглотит меня навсегда", - остаются немymi свидетелями пережившего 37-ой и другие годы доброго "города-плота" Смоленска. И мотив одиночества в переполненной людьми стране приводит читателя к какой-то безысходности, к сверхгиперболизации чувства, которое было присуще России эпохи тотального террора и репрессий: "Я - один, опять один. Один в гигантской мертвецкой наедине с гигантским мертвецом,.. это кто-то огромный, необъятный, всемогущий". И сразу становится невыносимо и за Смоленск своего детства, и за Россию, и "тщетно силишься понять, как ты смогла себя отдать на растерзание вандалам?".

... "Смоленск. Белая пена черемух по ручьям и в оврагах - вниз, к Днепру, с двух сторон: от Соборной горы и с Покровки. И выше всего, над городом, над черемухой заросшими склонами - золотой купол собора. А кругом красное ожерелье крепости. Внизу шум железных дорог, вокзалов, рынка. Крупный булыжник серых улиц и темно-красные кирпичные тротуары. Грохот сотен колес, тихий Днепр, пролом в крепостной стене - наверх, к собору, к центру по Большой Советской. И маленькие, все в скрежете напряжения трамваи - тоже в гору". Ничего, кажется, нет ужасающего в спокойной и размеренной жизни старого города. Но уже "на Большой Советской, не доходя до собора, на пути в жизнь, не выходя из детства", автор дает понять, что сирота не только герой-рассказчик, сиротство - приобретенное состояние всей России тридцать седьмого года. "Я вывалился из гнезда в мае тридцать седьмого", и вся Большая Советская "была усеяна скорлупой моего детства".

Символ судьбы-скорлупы мы видим и в описании дома на улице Декабристов (сегодняшняя улица Тухачевского), в котором был вынужден жить главный герой после того, как его мать, почувствовавшая опасность всеобщего террора и репрессий, отправила его из Крыма в Смоленск к родственникам. Его комната - скорлупа как будто из романа Достоевского, "длинная и узкая, всегда полутемная или темная абсолютно: солнце сюда не заглядывает" - здесь словно остановилось

⁸ Васильев Б. Л. Капля за каплей // Юность. 1991. № 4. - С. 11.

время. И комнаты, и дома этого времени типично серы, безжизненны, в них “в июле сыро и прохладно, а во дворах абсолютно нет травы”. Время здесь постоянно, неделимо на лето и зиму, весну и осень, “оно подчиняется только ритмам труда, по которым живет двор”... И еще вонь, “густая, хоть режь”. Вонь от помойки посередине двора, между сараями, около общественных нужников, от огромной, как фонтан, помойки. “Искать ее не приходится: помойка в центре сараев, помойка в центре вселенной”.

Уже к четвертой главе становится очевидным, что смерть завладеет всем существом как аллегорического рассказчика, так и всех спутников по судьбе, к несчастью оказавшихся в Катынском лесу, близ Гнездова. 1937 год уже давно был задан Историей для искупления грехов. Эта историческая заданность лишает героев как прошлого, так и настоящего. И они гибнут. “Все мы там, под Катынью, - бывшие”.

И Елена Алексеевна, и бывшая жена расстрелянного красного командира Зина, и бывшая воровка Стайка, и бывшая сотрудница смоленской Чека Хавка, да и сам хранитель и защитник “бывших”, “единоличник – лошадиник”, бывший ликвидатор Лесного Семен Иванович Поползнев - обречены лежать безмолвно и безымянно в общей яме катынского леса: “Падают в могилу очередные тела; четырежды дружно вздрагивают мертвецы в братской могиле”. Ничего не спасает их от гибели. И какими бы пронзительно-умоляющими и просящими о пощаде ни были их взгляды, - в глазах “тех” не было ничего, даже пустоты; их взгляды были “нечеловечески пусты”.

Но почему же порой так трудно бывает сойти с “катынской Голгофы”? Думать об этом и жить с таким грузом истории, видимо, придется еще не одному поколению.

«Сага об Олексиных»: романы «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» (1998), «Были и небыли» (1978), «Дом, который построил Дед» (1993), «Утоли моя печали» (1999), «Вам привет от бабы Леры» (1984). Россию “выдавливают из нас, капля за каплей”. Эти строки из повести “Капля за каплей” как нельзя лучше подходят к «смоленским страницам романной прозы Б. Л. Васильева или, как автор сам назвал их, “саге о семье Олексиных”, охватывающей период более чем в сто пятьдесят лет. Главная цель эпопеи – рассказать о судьбе дворян-офицеров, русских интеллигентов и самой России. Это история поиска духовно-нравственных ценностей, ощущение времени и пространства отдельно взятой личности, “диалектика души” русского человека. И хотя первоначальная цель была “написать роман о дедах вообще, без всякой исторической основы”, в конечном итоге получилось широкомасштабное полотно российского общества XIX – XX столетий.

Борис Львович Васильев – биограф собственного рода. Взяв за основу генеалогическую ветвь своей матери, дворянки Алексеевой, он показал историю жизни многих поколений России.

...Лихой картежник и смелый дуэлянт Александр Ильич Олексин, дворянин Псковской губернии (д. Антоновка Островского уезда Опенковской волости) - герой романа 1998 года “Картежник и бретер, игрок и дуэлянт”. Именно ему одному из первых, по утверждению писателя Б. Васильева, было суждено “вляпаться в Историю”. Дело в том, что после неудавшейся дуэли со своим “будущим” тестем Сашка Олексин был сослан “с глаз подальше” на службу в Кишенев, где познакомился и вскоре подружился с самим А. С. Пушкиным; именно ему великий поэт доверил на хранение запрещенные цензурой строфы из “Андре Шенье”.

В своих сведениях об этом факте семейной биографии Б.Л. Васильев ссылается на слова известного пушкиниста Натана Эйдельмана. Но прямых доказательств этому нет, ибо семейный архив Алексеевых сгорел во время Великой Отечественной войны в селе Высокое Ельнинского района, а у двоюродных сестер, ныне живущих в Смоленске, не осталось никаких копий. Поэтому нельзя сказать утвердительно, но речь скорее всего идет о Николае Сергеевиче Алексееве⁹. В двухтомнике “Друзья Пушкина”¹⁰, где речь в том числе идет и о Н.С. Алексееве, прямых подтверждений тоже нет. Однако по крайней мере два косвенных факта из биографии Н. С. Алексеева пересекаются с теми фактами, которые есть в “Картежнике и бретере...”.

Во-первых, Н. С. Алексеев действительно познакомился с поэтом в Кишиневе, во время ссылки. А во-вторых, после выхода в отставку Алексеев безвыездно живет у себя в имении в Псковской губернии, о чем свидетельствуют по крайней мере два письма Н.С. Алексеева А.С. Пушкину, опубликованные в этом документальном двухтомнике. Родословная предков Васильева, дворян Алексеевых, тоже начинается со Псковщины, земли в которой были им подарены еще Иваном III, о чем упоминается в военной энциклопедии, изданной в Санкт-Петербурге в 1913 году¹¹.

Интересен и образ Ивана Гавриловича Алексеева. За поступок, порочащий имя дворянина, Иван Олексин был отвергнут обществом. Дело в том, что Иван Олексин влюбился в шестнадцатилетнюю девочку-крестьянку и женился на ней. Крестьянская дочь Анна от природы была крепкой, поэтому “хотела и рожала” детей “девять раз”. Именно Анне Иван Гаврилович вскоре подарил поместье в селе Высокое Ельнинского уезда Уваровской волости, будущее родовое “гнездо” всех Олексиных (Алексеевых). Так с середины XIX века вся дальнейшая судьба Олексиных связана со Смоленщиной.

⁹ Анализируя автобиографическую повесть “Летят мои кони”, второй постскрипtum, мы обратили внимание на то, что прапрадед называется Александром Алексеевичем, но не Николаем Сергеевичем. Однако в концовке романа “Картежник...” этой “семейной загадке” есть вполне реальное объяснение.

¹⁰ См.: Друзья Пушкина: переписка, воспоминания, дневники: В 2 т. / Сост. В. В. Кунин. М., 1986.

¹¹ Военная энциклопедия. С.-Пб., 1913. Т. 1. С. 32.

Обратимся к образам детей Ивана Гавриловича. Истории реальных и художественных их судеб не менее занимательны.

Старший сын, Василий Иванович, начал свою жизнь с того, что уехал в “свободную Америку коммуны строить по типу Фурье”. Там женился на русской и вернулся на родину, но не в Смоленск, а в Тулу, где вскоре стал домашним учителем старшего сына графа Льва Николаевича Толстого Сергея. Личность Василия Ивановича Алексеева не может быть подвергнута никакому сомнению, так как именно его имя часто можем встретить и в дневниках Л. Н. Толстого, и, самое главное, в книге воспоминаний Сергея Львовича Толстого “Очерки былого”¹².

Василий Иванович, пожалуй, единственный из рода Олесиных, чья жизнь после встречи с Толстым протекает ровно, придерживаясь одной четко выбранной цели. До конца дней он остался приверженцем идей своего “великого друга и учителя” и даже возглавил общество “толстовцев”. Василий Иванович - частый персонаж романов “Были и небыли”, “Дом, который построил Дед”, “Утоли моя печали” и “Вам привет от бабы Леры”.

Второй сын, Гавриил Иванович, кадровый офицер, волонтер балканской кампании, а затем и участник русско-турецкой войны 1876-1877 годов, дослужился до звания подполковника и застрелился после неудачной попытки возглавить народное восстание в Болгарии вскоре после окончания военных действий. Гавриил Иванович – главный герой многочисленных глав романа “Были и небыли”.

Интересна фигура и третьего сына, Федора Ивановича, тоже реального персонажа истории России последней трети XIX века. Генерал-адъютант Александра III Федор Иванович Олексин часто упоминается в документах, связанных с жизнью и судьбой известного полководца, «белого генерала» Михаила Николаевича Скобелева. Дело в том, что официальной причиной смерти “белого генерала” стала “острая сердечная недостаточность”. Но семейная легенда Алексеевых говорит о причастности к смерти генерала именно Федора. В романе “Утоли моя печали” Борис Львович Васильев “приоткрывает” и эту “семейную загадку”¹³.

И наконец, последнее реальное историческое лицо семьи, которого писатель Васильев считает своим дедом, четвертый сын Иван. Он двоюродный дед Васильева, и именно его в

¹² См. подробнее: *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1975; а также: *Толстой и его близкие / Сост. Т. Н. Волкова.* М., 1986.

¹³ Более подробно см.: Б. Васильев “Скобелев. Есть только миг...”(2000).

автобиографической повести “Летят мои кони” он зовет дедом. Разъяснения находятся на страницах роман “Дом...”.

В романе “Были и небыли” он – гимназист. После встречи с легкомысленной, но очаровательной певичкой Жужу берет деньги в долг у тетушки Софьи Гавриловны (единственная сестра Ивана Гавриловича безвыездно сидит на Псковщине, но после смерти жены брата переселяется в Смоленск) и уезжает волонтером на русско-турецкую войну. С войны привозит сироту Леночку, которая затем остается управляющей в их смоленском доме на углу Кирочной и Ильинской. После окончания Санкт-Петербургского технологического института Иван переселяется в Ельню, где работает землемером в Ельнинской управе. После отъезда из родового гнезда в Высоком старшей сестры Варвары переезжает в семейный дом и уже больше никуда оттуда не уезжает вплоть до своей кончины в 20-х годах прошлого века.

Почему после революции Иван Иванович не был выселен из поместья? Во-первых, он открыл в нем школу. Во-вторых, как пояснил Борис Львович, незадолго до начала революции Иван прекратил пить и, не стесняясь своих сановных родственников, стал жить со своей женой-крестьянкой (история повторилась!). Ну, а в-третьих, перед самой революцией он был членом народовольческого движения Ельнинского уезда. В семейном архиве писателя бережно хранится одна из немногочисленных уцелевших фотографий деда.

Самый младший – Николай. Это родной дед писателя. Зная о том, что его, дворянина и помещика, отставного генерала, не минует красный террор революции, он отправляет своих детей и внуков в рядом находящееся имение своей супруги Руфины Эрастовны Княжое. А затем из Княжого в Высокое их перевозит Иван, но уже после гибели Николая Ивановича под Дорогобужем.

Николай Иванович – главный герой романа “Дом, который построил Дед”. У него четверо детей: Оля, Варвара, Татьяна и Владимир. Варвара – мать Бориса Львовича, Владимир – замначальника НКВД Смоленска, тот, который изменит свою фамилию и фактически отдаст приказ о расстреле родного отца. Потомки Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны и поныне живут в Смоленске.

Теперь несколько слов о дочерях Ивана Гавриловича и Анны Тимофеевны.

Старшая – Варвара Ивановна Хомякова. Сегодня уже не является новым тот факт, что многие богатые промышленники помогали накануне революции РСДРП. Одним из них был муж Варвары Ивановны Роман Хомяков. Он переводил деньги в Швейцарию для “Искры”. Борис Васильев делает ссылку на имевшееся в семейном архиве благодарственное письмо в адрес Хомякова от Горького. Но его жена, Варвара Ивановна, видя, как уменьшаются их капиталы, отправила своего мужа в сумасшедший дом и сделала все, чтобы его признали “недееспособным”.

Капиталы вскоре оказались в руках Варвары Ивановны, а ее муж “скоропостижно скончался” в лечебнице для душевнобольных. Своих двух сыновей она предусмотрительно отправляет учиться в Париж, переводит оставшиеся деньги за границу и накануне революции “выезжает в Париж через Швейцарию”. Больше о ней никто и никогда не слышал.

Средняя дочь, Мария Ивановна, становится семейной “Жанной Д’арк”, символом идолопоклонничества для младших Олексиных. После встречи с народовольцем и революционером Беневолинским она становится революционеркой-террористкой. Заканчивает Мария свою жизнь показательно для многих. Во время покушения на уфимского генерал-губернатора, увидав в карете его малолетних детей, ложится на бомбу.

Младшая и самая последняя из детей – Наденька, Надежда Ивановна Вологодова. Она и ее дети, Кирилл и Лера, стали героями романа “Утоли моя печали”; Лерочка, Карелия Викентьевна Вологодова, баба Лера – главная героиня романа “Вам привет от бабы Леры”, заканчивающего воспоминания о семье 70-ми годами XX столетия.

Наденька была в семье самой любимой, самой красивой и самой жизнерадостной. Она и осталась бы таковой, не случись в ее жизни пресловутое “вдруг”: Ходынская давка во время коронации последнего русского самодержца Николая II. С этого момента страх и печаль навсегда запечатлелись в ее глазах. Лишь раз она вроде бы сбросит эту печаль (муж, Викентий Корнелиевич, повезет ее в Соловецкий монастырь к старцу Елифанию, где перед иконой “Утоли моя печали” она и очистит душу), но судьба вновь уготовит ей испытание (именно на Соловки почему-то привезут расстреливать жен высокопоставленных царских сановников).

Помимо этих персонажей в романе “Дом...” действуют многочисленные представители младшего поколения Олексиных.

...XX век в судьбе Олексиных оказался куда более трагичным, чем “тихий, спокойный, с зарницами грядущих революций” XIX век. И не потому, что было “бремя выбора”, а потому, что Смутное время с его “классовым чутьем” окончательно побеждало правовые законы и обязательства, и “массы оказались способными искривлять историю, принимая на себя всю ответственность перед миром и совестью”. Началась “эпоха пересечения случайных рядов”, и “в смутном безвременье, в расколе, в развале системы хозяйствования, в потоках беженцев, в бесчисленных митингах и спорах до России уже никому не было дела”.

Великое переселение оборвало не один “генетический код” великой и героической истории России, оно подорвала основы тех многочисленных “городов - плотов”, коим был и Смоленск.

Довольно емким представляется в романе “Дом...” образ автора. Это, пожалуй, единственный роман, где авторские ремарки превалируют и составляют основу композиции

произведения. Так, в книге 1-ой автор знакомит нас с концепцией своего личного ощущения темы. “Я пишу с большой буквы потому, что Дом, о котором намереваюсь рассказать, - не просто стены..., но и семья, которая тоже является Домом. Да и сам Дед был не просто родоначальником, а основателем, строителем, столпом и фундаментом как семьи, которую строил со дня свадьбы, так и дома, который сгорел в одну бедственную ночь, оставив после себя пепел надежд, ожог отчаяния и горький осадок горя... Дед выстрадал свой Дом, и мне придется в большей степени рассказать о страданиях, чем о столярных или плотницких работах, о процессе, а не о результате, о медленных количественных накоплениях, способных вдруг, помимо нашей воли или нашего желания, переходить в иное качество. Например, в груди тлеющих головешек...; порой не хватает жизни на то, чтобы понять, что даже самая прекрасная Триумфальная арка есть всего-навсего ворота во вчерашний день”.

Это не просто рассказ о судьбах русской интеллигенции рубежа веков, а кричащая исповедь человека, который, казалось, был свидетелем событий тех лет: видел, чувствовал, сострадал и очищался. И этот человек не просто хочет донести до нас правду Прошлого, но и ОБЯЗАН успеть рассказать, “пока еще есть время на то, чтобы хоть раз перечесть написанное и порадоваться за тех, кто не побоялся родиться вторично, в самое неподходящее для этого время”.

На всем протяжении повествования о семье Олексиных автор-повествователь говорит с нами спокойно, деловито, ненавязчиво, давая каждому образу полную свободу действия и не замыкая его в рамках определенной заданности. Внутреннее родство каждой личности ощущается на генетическом уровне, будь то генерал Николай Олексин или поручик Старшов, терпеливо пережившая ужас Ходынки и потому молчаливая и задумчивая Надя Олексина (в романе “Утоли моя печали” - Вологодова) или домовитая и энергичная хозяйка поместья Княжое Руфина Эрастовна. Они все связаны воедино не только родственными связями, но прежде всего тем общим ощущением России, которое было свойственно всем людям высокой ответственности. Все герои повествования, не задумываясь, подпишутся под словами старого генерала Николая Олексина: “Бедная Россия, до чего же ты быстро состарилась”, а также и под словами его брата Ивана, в которых вся суть олексинской нравственности и правды: “У русской интеллигенции отец - дворянин, но мать все-таки крестьянка. И об этом никогда не следует забывать, ибо в этом сокрыты и ее долг и ее проклятье. Русская интеллигенция оказалась в ответе за все - от земных нужд до небесных мечтаний, от прошлого до будущего, от чести государства до бесчестия государя. И наша семья - живая тому картина”.

На страницах романа читатель найдет размышления автора не только о времени и о себе, но и аналогии с предыдущими произведениями. Сможет убедиться в единстве тематики, заглянув в романы о Вологодových (“Вам привет от бабы Леры” и “Утоли моя печали”). Раскроет

для себя подлинную историю жизни и смерти героя России генерала русско-турецкой войны Скобелева, вникнет в суть толстовских размышлений о войне и мире, вере и безверии, совести и подлости. Искренне удивится наблюдательности Деда, который размышляет о значимости для России имени Григорий, от Отрепьева до Распутина. А затем вместе со старым генералом Николаем Ивановичем Олексиным попробует ответить на вопрос “Что есть Отечество?”, который по сути подытожит размышления о России: “Отечество? Народ, живущий на определенном историей месте? Нет... Память надобно прибавить, особенность уклада и - главное,.. духовную этого народа ипостась, сущность его духовную. Измените сущность, и будет уже не Россия. Название менять придется”...

Романы “Утоли моя печали” и “Вам привет от бабы Леры” по сути не являются продолжением «смоленской темы». Однако обойти и хотя бы в общих чертах не коснуться их нельзя, потому что они из одной цепи повествования о семье Олексиных.

В этих романах повествуется о судьбе одной из ветвей рода Олексиных - Вологодových: о матери Надежде Ивановне и ее дочери, ровеснице века, жене красного командира, репрессированной и пробывшей в лагерях более 20 лет, “рафинированной интеллигентке”, Калерии Викентьевне Вологодовой (“Вам привет от бабы Леры”).

Жанр повествования о Лере Вологодовой - героическая трагедия о Наде Олексиной-Вологодовой - эпохальная драма...

На всем протяжении повествования романа «Утоли моя печали» автор постоянно противопоставляет официально - пышную помпезность двора истинным привилегиям русского дворянства. И привилегии эти далеко не возвышенны. Они, например, в том, что “забота о подданных своих есть великая честь и великая традиция духовности”, которая, по Хомякову, в том, “чтобы для бедных строить школы, дешевые дома, да хотя бы просто богадельни”.

Нежная дружба дворянки Нади Олексиной и горничной Фенички является сутью христианской любви к ближнему, которую позже испытают друг к другу и старая “рафинированная интеллигентка” баба Лера и крестьянская дочь, “подружка-каторжанка” Агаша из романа “Вам привет от бабы Леры”. Их дружба пройдет не один, а семь кругов ада. И самый первый из них - Ходынское поле. И для всей России точкой отсчета будущих трагедий с этих пор стала ходынская давка и кровавая коронация последнего “помазанника Божьего”.

Одна Надежда Ивановна обрела душевный покой и смирение. Всепобеждающая сила любви оказалась выше вселенской трагедии. Заблудшая и забитая душа оттаяла, потому что на всем протяжении повествования рядом с Надеждой незримо находился ее ангел-хранитель и будущий супруг, навеки отдавший всего себя ей, - Викентий Корнелиевич Вологодов.

Для того, чтобы показать всю цельность натуры как Надежды Ивановны, так и ее мужа, автор вводит в ткань повествования в 12 главе “толстовские” страницы. Именно благодаря появлению в доме “духоборца” Василия Ивановича Олексина все герои постепенно приходят к пониманию обязательного покаяния и очищения души, подводя к всепрощающей идее “всеобщего братства”. Но это еще и осознание того, что Россия - наша Судьба. Мы ее дети, мы ее братья, и нам быть в ответе за все содеянное нами. “Это наш крест. И для того, чтобы это все понять, вовсе не стоит искать Бога на стороне, его нужно искать в себе: в привычном месте всегда легче найти Бога”.

“Мы, русские, счастливые люди: нам есть куда смотреть”, - говорит Вологодов, когда везет Надежду в Соловецкий монастырь к старцу Епифанию. Русским, как никому другому, свойственно смотреть в глубину своих душ и своих творений и видеть бескрайние просторы очистительного света. Россию действительно “не понять умом”, как не понять и того, что “чудес нет, а есть Тайны. И пока мы верим в них - они есть. А значит, всегда есть надежда на спасение”. И хотя Васильев нарушает “тайну исповеди”, рассказывая подробности пребывания Надежды Ивановны в келье у Епифания и передавая дословно текст ее молитвы у иконы Пресвятой Ярославской Заступницы и Утешительницы “Утоли моя печали”, нам становится ясен вывод, к которому приходит автор. Этот вывод обусловлен общим мировоззрением автора эпопеи: “Когда большинство поймет, что любая человеческая жизнь бесценна, на земле воцарится рай. Люди станут беречь друг друга, исчезнут вендетты, мщения, прекратятся войны, и люди наконец-таки обретут Счастье”. Вывод, конечно, романтичен. Но ведь “Олексины – последние романтики России”...

“Не нужно самоутверждаться, надо детей на земле укреплять”, - так сказал Васильев в одном из интервью. Так воспитывали себя и детей своих русские дворяне и интеллигенты Олексины. И Надежда Ивановна с Викентием Корнелиевичем так же воспитывали маленькую Лерочку и сына Кирилла. “Все они выросли на доброй литературе, настоящей музыке и хорошей живописи”. “Таинственная преемственность поколений не прерывалась, а как бы перешагнула через смятенную душу, и дети доказали мощь этой великой преемственности русской интеллигенции. Правда, легче им от этого не стало...”.

Важно, чтобы читатель вместе с героями романа прошел через покаяние и очищение собственной души. Может быть, это очищение будет во благо, и человек станет делать добрые дела. Но настороженно и тревожно звучат риторические вопросы вдовы Светлейшего князя Елисаветы Федоровны: “Кто оценит долги наши? Люди? Бог? Будущее?!” Но на эти вопросы ответить трудно...

“Вы скажете, что знаете Родину, что изучали историю и географию, и будете глубоко неправы. Во-первых, родина - это не столько то, что вокруг нас, сколько то, что под нами: прошлое, судьба, история. А во-вторых, в школе вас учат не столько истории, сколько исторической хронике, то есть последовательности событий во времени. А история - это не наука о датах. История - это биография народа. В данном случае наша с вами биография, биография русского народа...”, - так размышляет дочь Надежды Ивановны, Лерочка, Карелия Викентьевна Вологодова, выступая перед школьниками и вспоминая своего брата Кирилла и своего дядю “толстовца” Василия Ивановича, человека, который был для всех Олексиных “высшим авторитетом”.

Именно такой “любви к Отечеству своему” посвятила свою жизнь “страстная революционерка” Лерочка Вологодова из романа «Вам привет от бабы Леры». И какие бы испытания ни выпадали на ее долю, она все равно “неистово верила” в то светлое будущее, ради которого и отеклась от своей семьи, ради которого ее муж Алексей, красный командир, герой гражданской войны, вскоре репрессированный, как и многие тысячи военспецов, “вынужден был расстрелять своего деверя Кирилла”. Это было их стилем жизни, и ничего “не выкорчевало” их веры: ни лагеря, ни расстрелы, ни убийства, ни осквернение святости. Не потому ли она на рассказы о том, как “вскрывали могилы и, роясь в прахе, забирали золото, кольца, сережки”, неистово воскликнула: “Не верю, ни единому слову не верю!”?.. Ничто не могло подорвать ее “романтики революции”.

Героини последнего «смоленского» романа Васильева по своему происхождению очень разные: Карелия Вологодова - дворянка, жена красного командира, а Анисья Демова - из раскулаченных, как называли в народе, “зажравшихся”, правда, братья ее приходили домой “и падали, едва перешагнув порог, от усталости и работы. По убеждениям одна была атеисткой, другая - верующей (“звезда и крест в одной ограде - это даже символично”). Однако их объединяла преданность своей вере до беспамятства и судьба: обе по двадцать лет отбыли в лагерях. Но все же души Карелии и Анисьи переполнены верой в будущее. А секрет такого бессмертного оптимизма в том, что опирается оно на легендарную юность, “идеально совпадавшую с юностью нашей страны”. Те идеалы, которые питали живительной силой их молодость остались идеалами на всю жизнь. И это тоже правда, хотя и несколько иная, чем, например, у В. Шаламова в “Колымских рассказах”: “Историю нужно воспринимать полифонически, учитывая, что у нас она впервые за все существование человечества приобрела смысл... И мы поставили цель, идеал, к которому все должны стремиться. Разве это не прекрасно?”. Они верили в ту романтическую утопию, которую сами придумывали.

По сути Васильеву важен не столько рассказ о “героической” жизни Вологодовой, сколько контрастные зарисовки взаимоотношений “рафинированной интеллигентки” и “махровой зечки”. Более того, в образе Анисьи незримо видится аналогия с Матреной из рассказа Солженицына “Матренин двор”. Благодаря образам этих двух “праведниц земли русской” глубже понимаешь, что значит быть человеком, “способным неистово и бесстрашно заглядывать в собственную смерть и посмотреть на собственную жизнь с иных высот”.

Но стоит ли “ворошить прошлое?”. “Человек должен знать свою историю как можно глубже. Только тогда у него есть опора, достоинство, честь, память. Его фундамент, с которого видится перспектива. Человек не живет одним днем”¹⁷, – так отвечает Васильев на этот “вечный” вопрос, с чем трудно не согласиться.

Автора беспокоит глобальное: способно ли человечество спасти свою нравственность и духовность, когда над ним нависло “бремя выбора”? Размышлению над этим вопросом посвящен финал романа “Вам привет...”. И ответ далеко не оптимистичен...

Все наше существование – это рождение и смерть, а между ними промежуток, в котором мы делаем массу ошибок. Как жаль только, что мы так и не раскаиваемся в них. Последние два года Борис Львович мало пишет, еще меньше выступает на публике. Как личную трагедию пережил гибель атомной подводной лодки «Курск», тяжелую душевную травму получил и во время захвата заложников «Норд-оста»; ему уже все труднее спускаться со второго этажа своего дома. Чаще молчит и быстро устает. Но... Не смог-таки отказать личной просьбе президента В.В. Путина и согласился в 2002 году войти в состав комиссии по правам человека. К сожалению, а может быть, и к счастью, он так и не научился заботиться о собственном здоровье и собственном покое...

«Смоленские страницы» прозы Бориса Васильева не закрыты. Сегодня писатель полон сил и новых идей. Его новый роман «Отрицание отрицания» (2005) вновь посвящен истории, и вновь сюжетную канву будут составлять «смоленские страницы».

«Действие будет происходить с начала революции семнадцатого года до нынешних дней. Главный герой, некий капитан, раненый на фронте первой мировой войны, оказался в Смоленском госпитале. После излечения его выписали в резерв, но перевязки и процедуры продолжались. Настал октябрь и свершилась революция. Большевики – это известный факт – получили два очень

¹⁷ Васильев Б. Л. Прозрение // Наука и религия. 1988. № 4. С. 49 -52.

сильных отпора. Один в Москве – юнкера, и в Смоленске – офицеры. Одна из глав посвящена как раз событиям в Смоленске во время офицерского восстания, где воюет против большевиков мой герой», - рассказал Борис Львович в одном из последних своих интервью Александру Макаренко, смоленскому писателю и барду. И в мемуарах «Век необычайный» (из серии «Мой XX век», издательство «Вагриус», 2005) писатель также не обошел вниманием город своего детства.

Писатель, почетный гражданин города-героя Смоленска вступил в девяностый десяток своей жизни. Почитатели таланта прославленного земляка, поздравив его с юбилеем и вручив нагрудной знак «Почетного гражданина», вновь и вновь будут надеяться на новые встречи и с нетерпением ждать замечательные книги любимого писателя.

Литература к теме:

1. *Алиева С. А.* И капелька самого себя // Литературная Россия, 1982, 13 августа.
2. *Васильев Б. Л.* Прозрение // Наука и религия. 1988. № 4. - С. 49 – 52.
3. *Васильев Б. Л.* Мне не в чем себя упрекнуть // Российская газета, 1994, 21 мая.
4. *Васильев Б. Л.* Свобода требует рамок // Край Смоленский. 1994. № 6. - С. 3 – 7.
5. *Васильев Б. Л.* Вот это моя полоса жизни // Смоленские новости, 1994, 21 мая.
6. *Васильев Б. Л.* Я – неисправимый оптимист // Книжное обозрение, 1994, 24 мая.
7. *Васильев Б. Л.* Ответы на пять вопросов «ЛГ» // Литературная газета, 1994, 30 марта.
8. *Васильев Б. Л.* Есть такая профессия // Культура, 1996, № 24.
9. *Васильев Б. Л.* Национальную идею в пробирке не вырастишь // Литературная газета, 1997, 9 апреля.
10. *Васильев Б. Л.* Мне стыдно! // Общая газета, 1999, 20 – 26 мая.
11. *Васильев Б. Л.* Неюбилейное // Рабочий путь, 1999, 5 августа.
12. *Васильев Б. Л.* Я самый счастливый! Хотя мои герои – обречены // Комсомольская правда, 2003, 13 марта.
13. *Васильев Б. Л.* Пока нам от «барина» не уйти... // Смоленская газета, 2003, 17 апреля.
14. *Гаганова А.* Не мешайте игре // Очаг. 1997. № 1. - С. 16 – 18.
15. *Жуховицкий Л. А.* Не отвлекаясь на лавры // Культура, 1998, 29 апреля – 13 мая.
16. *Жуховицкий Л. А.* У него на плечах – небо // Литературная газета, 1999, 26 мая.
17. *Исмаилов Н.* Любить и ненавидеть // Москва, 1988.- № 1
18. *Карнюшин В.А.* Чтобы услышать голос Прошлого: Смоленские страницы прозы Бориса Васильева. Изд. 2-е. Смоленск, 2002. - 150 с.

19. *Карнюшин В. А.* Образ Богоматери в романе Б. Л. Васильева «Утоли моя печали» // К 2000-летию крещения Руси: Сборник статей СГПУ. Смоленск, 2001. - С. 51 –56.
20. *Карнюшин В.А.* Смоленская родословная Бориса Васильева: Толстовец Василий Алексеев // Наследие Л.Н. Толстого и современность: Сборник материалов международной научной конференции. – Витебск, 2004. – С. 66-70.
21. *Карпов А. И.* История не терпит суесловья // Литературная газета, 1987, № 27.
22. *Курсанов В. А.* Были о героической борьбе // Дон. 1978. № 4. - С. 164 – 168.
23. *Кондратович А. Г.* Пройденное и обретенное // Литературная газета, 1982, 22 сентября.
24. *Лобацкая Г.* Пойдут ли с тобой в разведку? // Звезда,1980. - № 11
25. *Макаренков А.* «Под старость нужно все успеть» // Все!, 1997, 16 мая.
26. *Макаренков А.* Зори Бориса Васильева// Все!, 1999, 21 мая.
27. *Смелков Ю.С.* Судьба Олексиных // Знамя,1978.- кн. 7
28. *Стеклов М. Е.* Летят его кони // Литературная Россия, 1985, 22 февраля.
29. *Стеклов М. Е.* «Я люблю тебя, старый Смоленск!» // Рабочий путь, 1993, 26 января.
30. *Стеклов М. Е.* Три дня с Б. Васильевым // Край Смоленский. 1993. № 2. - С. 3 – 8.
31. *Стеклов М.Е.* Три дня с Борисом Васильевым // Край Смоленский,1994.- №2
32. *Стеклов М. Е.* «Люби Россию в непогоду» // Смоленские новости, 1999, 21 мая.
33. *Турбин В.* Далекие-близкие // Дружба народов. 1978. № 1. - С. 260 – 262.
34. *Ульяшов П.С.* Сила добра // В мире книг,1971.- № 11
35. *Хотимский Б.Г.* Благороднейшее из чувств // Знамя,1981.- кн. 2
36. *Хрищановский В.П.* В поисках истины // Звезда,1978.- № 4